

Бегство

средневековый нуар

Алексей Бородкин

Алексей Бородкин

Бегство

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бородкин А. П.

Бегство / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Рассказ-оборотень. Рассказ-обман. Всё в этом тексте неправда, и всё – святая Истина. Действие происходит в средневековой Австрии. Тяжелый мрачный готический нуар. У нищего мальчишки умирает отец. Помочь некому. Пожаловаться некому. Есть только вера в себя, магия и надежда на помощь Проведения. А ещё страстная любовь. Что могут сделать эти чувства? Свернуть горы! Если вы думаете, что позитивный финал в этой истории невозможен – вы ошибаетесь! В конце повести вы улыбнётесь. Это я вам обещаю.

В тот последний год (в мой последний год) осень случилась ранняя и сырая. Будто девка, не выданная вовремя замуж, она злилась, и рыдала, и мучила окружающих затяжными дождями, а то и вовсе теряла рассудок – укрывала лужи стёклышками льда. Толстыми и хрусткими.

Мощённая камнем дорога покрылась слоем грязи. Идти стало трудно. Впрочем, виновата не дорога, виноваты моя безграничная усталость и жар. Третий день кряду я чувствовал, как волны адского пламени перетекают от ног к голове, как в груди моей клокочет вулкан, угрожая разломить рёбра. В самые тяжкие моменты я переставал воспринимать действительность, шел, словно старый конь, доверяя дорогу ногам и интуиции.

В итоге я поскользнулся и упал. Ступня правой ноги сильно вывернулась, топорщилась в сторону под каким-то неправильным углом. Перелом? Только не сейчас! Я закусил губу, чтобы не вскрикнуть и вправил ногу резким рывком.

– Эй, дружище! – окликнул. – Повремени чуток. Я познакомился с брусчаткой ближе. Ты уж прости старика.

Сын шел чуть впереди. Он всегда так делал – забегал вперёд. А мне нравилось плестись поодаль, наблюдать за ним: как он ступает, как утирает платком нос, как улыбается чему-то мне неведомому.

Парнишка редко смотрел прямо. Он или опускал глаза в землю, шел, разгребая палкой мусор, будто надеялся отыскать в нём волшебную жемчужину. Или вглядывался в небо, хотел встретиться взглядом с Создателем.

Не подумайте дурного, это я фантазирую. В юном возрасте редко вспоминаешь о Создателе, разве что проходя мимо храма, или завидя похоронную процессию. Просто ему нравилась прозрачная синева неба и чёрные росчерки птиц.

Он подошел и помог мне подняться. "Святой Антоний, – мелькнула мысль, – какой же он ещё хрупкий!"

– Давай передохнём... хоть пару минут. Тот сеник выглядит заброшенным. – У дороги чернел полуразвалившийся сарай. – Я немного приду в себя, отдышусь... давай чуть-чуть передохнём.

– Темнеет, пап! – он посмотрел на меня с недоумением. Так смотрят юноши не знающие, что на земле существует усталость и боль. Жизнь ещё не преподала им этот урок. – До Линца всего несколько миль. Вы успеем засветло, если поторопимся. Там найдём тепло и ночлег.

– Конечно успеем, дружище. Дай мне только полчаса роздыху. Потом я побегу, как молодой пёс. Обещаю.

Крыша сенника давно прохудилась, с балок капала мутная холодная жижа. Щербатые стены слабо защищали от ветра. Я даже улыбнулся – не думал, что мне придётся умереть в таком отвратительном месте.

Однако не смерть меня беспокоила – я свыкся с мыслью о своей кончине. Сегодня целый день я вижу тень за левым плечом, и даже стал переживать, не слишком ли долго я испытываю терпение Её Курносого Величества?

Меня тревожили думы о сыне.

"Принято считать, что родители более всего нужны малым детям. Это не так. Что может набезобразничать маленький мальчик? Испачкать камзол? Или разбить витраж? Это такие мелочи! Ребёнок лишен возможности совершить крупную ошибку уже хотя бы потому, что он мал".

Я смотрел на своего мальчишку, на юношу. Он стоял под толстым бревном – под ним капало меньше.

"Ему четырнадцать и он считает себя мужчиной. Он может оступиться так, что вся жизнь полетит в пропасть. Для этого достаточно одной-единственной промашки".

– Послушай меня, Пинуччо! – Он наклонился, я потрепал его мокрые волосы. – Я много раз тебе говорил, но хочу повторить ещё разок. Никому не показывай своей силы. Никому. Никогда. Даже если тебя унижат. Даже, если смертельно оскорбят. – Он кивнул, но слишком поспешно и поверхностно. Я продолжил: – Плевок в лицо или пинок под зад – это чепуха. Дождь смывает со статуи короля все птичьи следы. Но если люди узнают о твоей магии – они станут тебя бояться. И начнут бить в полную силу. Они захотят уничтожить тебя, раздавить. Понимаешь? Не забывай об этом ни на мгновение!

– Я помню, пап.

– Не обращай внимания на трудности. Как бы ни пришлось тебе туго, каждый день совершенствуй своё мастерство. Даже если ты просто вспомнишь книгу заклинаний, перед тем, как забыться сном, день будет прожит не зря.

Сын тревожно посмотрел на меня, видимо, что-то почувствовал. Я поспешил отвести глаза и торопливо прибавил:

– А теперь пойдешь, собери немного хвороста. Нам нужно согреться и просушить одежду. Ночевать будем здесь.

Он хотел возразить, но я твёрдо указал на дверь. Вернее, на пустой дверной проём.

Пинуччо ушел. Я откинулся на кучу гнилой соломы и почувствовал себя королём. Тем самым, со статуи которого ливень смывает грехи.

Стало тепло и уютно. Вспомнился домик на краю пустыни, у оазиса, где излучина реки сильно изгибается, почти смыкаясь в кольцо. Женский смех, ощущение радости и тонкий аромат персика из сада.

Когда Пинуччо вернулся, отец был мёртв. Мальчик понял это мгновенно. Он долго смотрел на неподвижное тело издали, как бы отстранённо. Потом приблизился, заглянул в потухшие глаза, чуть раздвинув веки... Нажал на подбородок, чтобы открыть рот, увидел бледный сухой язык...

Мальчишке хотелось разобраться, что здесь произошло? Он отсутствовал совсем недолго, не больше четверти часа, а здесь так многое изменилось. При том, что формально не поменялось ничего. По-прежнему дождь, и сарай, и два тела – его и старика.

Куда исчез этот человек, отец который порою был жесток, порою добр и ласков. Который учил всему и отдавал последнюю краюху хлеба.

Куда он делся? Спрятался? Улетел на небо? Но вот же он! Здесь!

Пинуччо уложил отца вдоль стены за высоким приступком. Вытянул руки и ноги, тщательно укрыл труп плащом, проверил, чтобы вода не попадала. Сверху забросал ветками.

Вышел из сарая.

Облака расступились, и выглянуло солнце. Пинуччо счёл это добрым знаком. Подумал, что времени потеряно непозволительно много – светило опустилось к самому горизонту. "Нужно спешить. – Вспомнил слова отца: – Бежать, как молодой пёс".

Когда Пинуччо добрался до Линца, тени совершенно растворились, слившись в единый кисельный сумрак. В двух шагах не было видно ни зги. Городской шутцпункт угадывался только по длинному корявому полосатому шлагбауму. Часовой спал, или отлучился, или... Пинуччо просто его не разглядел в потёмках. Мальчишка обошел шлагбаум и подумал, что угольная темнота сыграла ему на руку – он миновал заставу, избежав вопросов.

Линц показался огромным городом. Пинуччо прошел по центральной улице, вышел к ратуше, свернул в переулок, долго петлял по однообразным "уличным коридорам". Из-под ноги вдруг бешено выпорхнула кошка, противно мявкнув и сверкнув глазами. У стены дома мальчишка разглядел пьяного, что стоял, прислонившись головой к дверному косяку. Он пока-

чивался в такт неслышному несуществующему ритму. (Или беднягу тошнило, и он содрогался от спазмов?)

Пинуччо понял, что он уже близко, что цель путешествия где-то рядом. Потянул носом воздух и прислушался. Потом быстро и уверенно двинулся вперёд.

В конце соседней улицы было шумно: раздавались звуки драки, грохнула в мостовую брошенная бутылка. Хмельные голоса вяло задирали сражающихся пьянчужек: "Врежь ему!", "Вот так!", "Поддай этому ублюдку!" "Под дых! Под дых! Сильнее!" – только один голос выделялся своей агрессивностью. Разлетались сальные шуточки, и смех продажных девиц, как острое звонкое лезвие, вспарывал ночь.

"Таверна, – понял Пинуччо. – Вот и хорошо".

Он осторожно приблизился, оставаясь в тени и стараясь, чтобы деревянные каблукы не стучали о камни слишком громко. Подождал, пока посетители начнут расходиться, а когда погасили уличный фонарь (маленькую яркую лампу), проворно скользнув в дверь, остановившись перед стойкой.

Замер без движения, потупив взор и не произнеся ни слова.

– Что за дьявольщина?

Хозяин таверны испуганно уставился на мальчика; таращил глаза и силился их сфокусировать. Толстяк был сильно пьян.

– Ты откуда взялся, бесёнок? Или это пивные пары вздумали шутить со мною шуточки? Вот я т-т-тебя...

Хозяин схватил палку, замахнулся, намереваясь достать ею Пинуччо, но столько с грохотом завалился в проход.

– Нарезался, жирный боров. – Хозяйка таверны заперла дверь на засов, вышла к очагу.

Худая, жилистая, проворная, деловитая она, фактически, управляла хозяйством. И мужем.

Протянула руки к огню.

– Х-х-хелма, – выдохнул "боров", приподнялся на руках, сел на пол. – Ты видишь это? Или черти явились только за мной? Пресвятые апостолы, простите мою душу грешную!

Пьяные слёзы потекли по щекам хозяина. Он размазывал их ладонью.

– Чей ты, мальчик? – спросила фрау Хелма. На мужа она не обратила внимания, очевидно привыкнув к его пьянству. – Пойди ближе... сюда, к огню. Я хочу разглядеть тебя.

Она поманила пальцем, а когда Пинуччо подошел, взяла его за подбородок. Подняла голову, откинула капюшон. Смотрела долго, внимательно. Потом взяла руку, посмотрела на пальцы. Увидев под ногтями грязь, брезгливо поморщилась.

– Ты точно не местный, – произнесла задумчиво. – Судя по стоптанным сапогам, ты пришел издалёка... Верно? – Пинуччо кивнул. – Ты одинок, но... – она ещё раз бегло обежала мальчишку взглядом, – но если ты рассчитываешь получить приют бесплатно, тебе не повезло. Убирайся.

Мальчик не пошевелился, только выражение глаз изменилось: в них появилась просьба.

– Хвала небесам! – "Боров" перекатился со спины на живот, придерживаясь за стену, взобрался на стул. – Он не дьявол... это можно считать удачей! Хе-хе! Не выгоняй мальчика, Хелма. Пусть прогреется... пока я приду в себя. Через пару минут я встану и вышвырну его сам. – Таверщик захихикал. – Ну и напугал же ты меня, паскудник! Я едва не напрудил в штаны!

Пинуччо перекрестил лоб (этот жест показался уместным) и сказал, что хочет остаться здесь жить.

– Что-то? – переспросила фрау Хелма.

– Я хочу остаться у вас, – повторил Пинуччо.

– Жить? – удивилась Хелма. – У нас? – Она посмотрела на мальчика с чуть большим интересом. – А что ты умеешь делать? Попрошайничать? Воровать?

– Он хилый сопляк! – неожиданно-твёрдым голосом заявил "боров". – Нам такой не нужен. Сейчас я его вышвырну.

Хозяин попытался встать, однако колени не подчинились, и он опять плюхнулся на табуретку.

– Хм... – какая-то мысль пришла ему в голову. – Пускай переночует, Хелма. А утром я отведу его к аптекарю и продам за... за сколько получится. Аптекарь давно меня просил об одолжении, ему нужен доброволец, чтобы опробовать новые порошки.

Фрау Хелма улыбнулась, обнажив крепкие острые зубы, и муж продолжил, заискивающим тоном. Сказал, что смерть юнца "в случае чего" будет быстрой и безболезненной.

– Притом, учти, – хозяин обратился к Пинуччо, – похоронят тебя за счёт аптекаря. А это большая щедрость с его стороны.

Хозяин дотянулся до кочерги и, опираясь на неё, как на трость, переполз в кресло перед камином.

– Я могу размять вам ступни, герр! – подал голос Пинуччо.

– Что? – не понял таверщик. – Зачем это?

– Это любимая процедура сирийских шахов, герр. Я умею разминать очень хорошо. Меня учил отец... у меня был хороший учитель.

Хозяин развеселился.

– Валяй!

– Гюнтер! Прекрати! – всплеснула руками фрау Хелма. – Что ты себе позволяешь? Прекрати немедленно!

– А что такого, Хелма? Он сам предлагает. Я хочу попробовать, только и всего! Как тебя зовут, мальчик?

– Пинуччо.

Герр Гюнтер зашелся смехом:

– Это имя для поросёнка! Ха-ха! Тебе нужно придумать что-то более человеческое, например Парзифаль! Хотя... какой из тебя Парзифаль... Давай уже, шевелись, бездельник, отработывай ночлег.

Мальчик подошел, стянул с Гюнтера сапоги. Потёр друг о друга ладони, чтобы согреть их, затем осторожно взялся за левую ногу мужчины. Надавил большими пальцами на подъём, провёл вдоль ступни. Герр Гюнтер хрюкнул от удовольствия.

... Не прошло и пяти минут, как мужчина захрапел.

– Оставь его, – велела фрау Хелма. – Можешь остаться на ночь. Утром я решу, что с тобой делать.

На заднем дворе, между хлевом и ригой, притулившись стеной к конюшне, стояла маленькая гута (сарайчик). Когда-то хозяева собирались оснастить ригу молотилкой, сделали для этого пристройку, но, очевидно, так и не собрались. Теперь гута стояла заваленная мусором: плетёными корзинами, дырявыми бурдюками и сломанными черенками от лопат – руки фрау Хелмы не доходили до этого заброшенного уголка хозяйства.

– Жить будешь здесь, – сказал герр Гюнтер. – Здесь тебе будет уютно.

Он обвёл мутным взглядом помещение и громко икнул. Воздух наполнился "ароматами" вчерашнего перепоя и чем-то кислым, уже сегодняшним.

– Сдвинь этот хлам, – он толкнул сапогом ящик, – куда-нибудь... Но ничего не выкидывай! Сена можешь взять сколько угодно... если захочешь.

Хозяин вздохнул и пожаловался, что голова трещит, как молочница в базарный день.

– Прямо молот колотит в затылок: "бум-бум-бум!" Ты это... похмелье лечить не умеешь?

Пинуччо отрицательно покачал головой. Герр Гюнтер развернулся и пошел в таверну, пошатываясь и хватая ртом воздух. Под ноги ему попался слепой цыплёнок – он беспорядочно метался по двору, ударяясь о предметы и падая каждое мгновение.

– Пшел прочь! – Герр Гюнтер пнул цыплёнка так сильно, что тот отлетел к дверям гуты.

Пинуччо поднял беднягу, погладил. Худой, измождённый – хозяйка перестала кормить его за ненадобностью. Удивительно, за что цеплялась в нём жизнь?

Из жалости мальчик хотел свернуть цыплёнку шею, но передумал. Когда Пинуччо устроил своё жилище, он привязал птицу за лапку в дальнем углу сарая. Так чтобы цыплёнок мог гулять, не спотыкаясь ежеминутно, но его не было видно от двери (Пинуччо опасался гнева хозяйки).

"Надо бы дать ему имя", – подумал.

За пищу и приют Пинуччо убирал двор, чистил коня и таскал воду. Если с посетителем таверны случалась неприятность, и его выворачивало, прежде чем Гюнтер выставял пьянчугу за дверь, убирать вызывали мальчика. А ещё он каждый вечер разминал хозяйину ступни.

– Давай, малыш, – мужчина усаживался в кресло и вытягивал ноги. – Постарайся на совесть, и я заплачу тебе золотом.

Про золото это он, конечно, врал. Если герр Гюнтер оставался доволен, он платил половину батцена. Когда это случилось в первый раз, мальчишка сжал в кулаке медяк и отвернулся. Слёзы выступили у него на глазах.

"Золотой! – думал он, и душу захлестнуло отчаянье. – Мне нужен золотой! Так я никогда его не заработаю... мне потребуется год и даже больше!"

Но потом он вспомнил слова отца: "Не торопись, сынок, и всё будет". Через два месяца Пинуччо скопил всего семнадцать батценов – даже такую смехотворную плату хозяин таверны порою отказывался платить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.